

Тема прошлого в риторике президентов России

Властвующая элита воспроизводит старый культурный алгоритм «разрыва с традицией» — хотя сейчас, в отличие от петровского и советского переворотов, когда происходила ломка мировоззренческих принципов, для этого нет оснований

Ольга Малинова

«Общепринятые» представления о прошлом играют важную роль в жизни современных политических сообществ, поскольку являются одной из главных несущих конструкций коллективной идентичности¹. «Публичная история», в отличие от «формальной» или «профессиональной», представляет собой репрезентации и интерпретации прошлого, адресованные широкой аудитории неспециалистов. Это значимый элемент символической политики, который направлен на формирование определенных представлений о нас и мобилизацию групповой солидарности. Опираясь на концепцию символической борьбы Пьера Бурдьё², под символической политикой мы предлагаем понимать *деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих*. Рассматриваемая таким образом символическая политика является не противоположностью³, а скорее специфическим аспектом «реальной» политики.

Хотя государство — не единственный актор символической политики, оно занимает

особое положение на этом поле, поскольку обладает возможностью навязывать подерживаемые им способы интерпретации социальной реальности с помощью властного распределения ресурсов (например, при утверждении образовательных стандартов), правовой категоризации (как в случае законодательства о гражданстве), придания символам особого статуса (с помощью утверждения официальной символики, государственных праздников, учреждения наград), способности представлять нас на международной арене и т. п. В связи с этим и публичные высказывания акторов, выступающих от имени государства и/или оказывающих влияние на принятие решений, имеют особое символическое значение и, как правило, становятся объектами соотнесения для других участников коммуникации. Тем не менее государственная поддержка тех или иных интерпретаций социальной реальности вовсе не гарантирует им доминирующей роли: даже если «нужная» нормативно-ценностная система навязывается насильственными методами, у индивидов остается возможность «лукавого приспособления»⁴ и двоемыслия. Символическая политика осуществляется в *публичной сфере*, то есть виртуальном пространстве, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формирует-

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОВОДИТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА, ГРАНТ № 11-03-00202 А

ся общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности, иными словами — имеет место конкуренция разных способов интерпретации социальной реальности. При этом институциональные параметры публичной сферы оказывают значимое влияние на стратегии и возможности акторов символической политики⁵.

Президентские послания как объект исследования

В настоящей статье мы попытаемся проследить некоторые тенденции, связанные с использованием прошлого в официальной символической политике постсоветской России. В основу данного исследования положен анализ семнадцати президентских посланий Федеральному собранию РФ и некоторых других логически дополняющих их выступлений⁶. Выбор в качестве основного объекта изучения ежегодных президентских посланий определяется их жанровыми особенностями: это тексты программного характера, призванные дать оценку результатов проводимого политического курса и определить задачи на перспективу, а также оправдать действия властей, увязав их с целями и ценностями, которые предположительно значимы для общества. То, что послания появляются ежегодно и затрагивают относительно устойчивый набор вопросов⁷, делают их удобными объектами для анализа⁸. Содержание посланий позволяет делать некоторые выводы относительно того, как изменяется подход правящей части федеральной элиты к публичной репрезентации и к обоснованию текущего политического курса. Очевидно, что тексты посланий не исчерпывают «историческую» составляющую официальной символической политики. Однако они могут служить хорошей отправной точкой для дальнейшего исследования — в том числе и в рамках данного проекта, поскольку отражают наиболее важные тенденции в

использовании (или неиспользовании) прошлого для легитимации действующей власти.

С помощью контент-анализа и дискурс-анализа президентских посланий⁹ мы посмотрим, каким образом символический ресурс коллективного прошлого привлекался для обоснования политического курса. Объектами изучения стали фрагменты президентских посланий, содержащие прямые или косвенные упоминания о событиях, явлениях, процессах или действующих лицах отечественной истории, как давней, так и современной (отражение в этих текстах событий и лиц всеобщей истории — это самостоятельная тема¹⁰). В качестве классифицирующих категорий для контент-анализа были взяты исторические периоды, упоминавшиеся в посланиях (история России до 1917 года, история советского периода, постсоветская история, история вообще, то есть все, что предшествовало настоящему моменту). При этом оценивалась функция высказывания, содержавшего ссылку на прошлое: положительная оценка прошлого, в том числе — по контрасту с критической оценкой настоящего (прошлое как пример, которому нужно следовать / как традиция, которую нужно возродить); критическая оценка прошлого по контрасту с современным положением дел (прошлое как фон, оттеняющий сегодняшние достижения / как источник проблем, которые приходится преодолевать / как урок, из которого надо сделать выводы); нейтральная констатация преемственности прошлого и настоящего. Единицами подсчета выступали упоминания прошлого, то есть связные фрагменты текста, содержавшие ссылку на конкретные исторические события, явления, процессы, действующих лиц или на коллективное прошлое вообще (количество слов в высказывании и его доля в тексте не учитывались, поскольку для наших целей был важен сам факт номинации). В рамках дискурс-анализа основное внимание было

уделено репрезентации в текстах посланий представлений о преемственности и прерывности отечественной истории.

Отсылки к истории имеются во всех текстах президентских посланий, однако их количество и функции заметно варьируются. Больше всего упоминаний о прошлом содержалось в посланиях Бориса Ельцина (в шести его обращениях к Федеральному собранию удалось обнаружить 46 ссылок на события, явления и процессы российской истории, в восьми посланиях Владимира Путина — 22,

В посланиях Ельцина так или иначе представлены все периоды отечественной истории, однако наибольшее количество ссылок — на советский и постсоветский периоды (соответственно, 15 и 9 из 46); в его текстах — всего 3 упоминания о событиях и явлениях истории России до 1917 года и одна ссылка на русского писателя (в послании 1999-го в контексте рассуждений о национальной идее и людях как основе преемственности истории цитируется мысль Александра Солженицына о «сбережении народа»).

“Ельцин уделял много внимания репрезентации себя в качестве политического лидера, меняющего ход истории, своей волей возвращающего ее в «естественное» русло”.

в трех посланиях Дмитрия Медведева — 15). Надо отметить, что программные речи первого Президента РФ были в 2–4 раза длиннее аналогичных выступлений его преемников¹¹. Но думается, что дело не только в этом: Ельцин действительно уделял много внимания репрезентации себя в качестве политического лидера, меняющего ход истории (своей волей возвращающего ее в «естественное» русло). Весьма характерны слова, сказанные им в заявлении об отставке:

«Главное дело своей жизни я сделал. Россия уже никогда не вернется в прошлое — Россия всегда теперь будет двигаться только вперед. И я не должен мешать этому естественному ходу истории»¹².

По-видимому, первому Президенту РФ было свойственно особое, лично заинтересованное отношение к истории; подходы его преемников не столь эмоциональны. Однако тексты посланий различаются не только по количеству упоминаний о прошлом — наблюдаются заметные различия в объектах ссылок и их оценке.

Кроме того, нам удалось насчитать 18 высказываний, в которых история рассматривается как общий контекст происходящего, без конкретизации периода.

В посланиях Владимира Путина почти нет прямых ссылок на историю России до 1917 года (единственное исключение — упоминание о «дореволюционном историческом опыте» местного самоуправления в качестве образца для федеральных законодателей в послании 2002-го; любопытно, что Ельцин (в 1994-м) также ссылался на опыт земств как доказательство наличия «глубоких исторических корней» местного самоуправления «в российской политической культуре»). Зато Путин больше цитировал деятелей отечественной культуры: всего 6 ссылок, из которых две — на Ивана Ильина (в 2005 и 2006 годах), две — на Дмитрия Лихачева (в 2006 и 2007 годах), по одной — на Льва Петражицкого (2005 год) и Александра Солженицына (в 2006-м Путин тоже говорил о «сбережении народа»). Его послания содержат 4 упоминания о советском периоде, 4 фрагмента, посвященных достижениям и ошибкам 1990-х годов, и 7 общих ссылок на прошлое.

Дмитрий Медведев продолжил традицию обращения к именам деятелей отечественной культуры (послание 2008 года содержит ссылки на Петра Столыпина, Бориса Чичерина и Василия Леонтьева; в тексте 2010-го упоминаются имена Николая Некрасова, Антона Чехова, Юрия Гагарина и Анны Ахматовой как третьих детей в семье — в контексте обсуждения демографической проблемы). За исключением этих имен, в его обращениях нет упоминаний об истории России до 1917 года; есть 4 ссылки на историю советского периода (3 из них — на Великую Отечественную войну и одна — на опыт советской модернизации) и 4 ссылки на новейшую, постсоветскую историю.

В целом структура «исторической» составляющей в символическом репертуаре президентских посланий выглядит следующим образом: в общей массе упоминаний о прошлом лишь 5 проц. составляют события и явления дореволюционной истории, 17 проц. — ссылки на имена деятелей отечественной культуры, 20 проц. — оценки постсоветского периода, 28 проц. — воспоминания о советской эпохе и 30 проц. — рассуждения общего характера. Таким образом, в репрезентации коллективного прошлого в контексте ценностного обоснования политического курса наблюдается определенный перекося в сторону новейшей истории. О причинах этого мы порассуждаем позже, а пока обратимся к содержательному анализу выделенных фрагментов и проследим эволюцию оценок прошлого в президентских посланиях.

Тема преемственности и разрыва с традицией в президентских посланиях Бориса Ельцина

Ссылки на прошлое при обсуждении политической стратегии могут выполнять разные функции. Наиболее важные из них — демонстрация преемственности между настоящим и прошлым (легитимация традицией) и указание на отличие настоящего от прошлого (в одних

случаях — со знаком «плюс», с целью подчеркнуть сегодняшние достижения; в других — со знаком «минус», как правило — в контексте обоснования необходимости изменений и/или объяснения причин трудностей и неудач).

Тема прерывности и преемственности была главным рефреном ссылок на прошлое в посланиях Ельцина. С одной стороны, начатые под его руководством реформы представлялись как восстановление связи времен, разорванной в годы Советской власти. См. в послании 1994 года:

«Разложилась доминировавшая в течение десятилетий тоталитарная государственная идеология, выразителем которой была КПСС. На смену приходит осознание естественной исторической и культурной преемственности...»

Ср. с посланием 1999 года:

«Завершается десятилетие, ознаменованное возвращением России на магистральный путь мирового развития.»

Восстановление исторической истины рассматривалось как одно из условий успеха совершающихся преобразований:

«Мы все еще плохо знаем свою историю, оттого так много лежководных людей и низка политическая культура, так быстро распространяются мифы» (1996 год).

Ельцин делал особый упор на «воссоединение двух ветвей нашей культуры — существовавшей в советских условиях и зарубежной» (1996 год) и изображал новый политический режим гарантом свободы исторического познания:

«Никогда больше в России не должно быть порядков, позволяющих скрывать правду,

фальсифицировать историю, внедрять беспамятство» (1996 год).

С другой стороны, в посланиях Ельцина обнаруживается немало высказываний, в которых настоящее оценивается более позитивно, нежели прошлое. По нашим подсчетам, таких высказываний — 16 из 46; еще в шести высказываниях (относящихся к хрущёвской оттепели и перестройке) отмечаются как положительные, так и отрицательные стороны прошлого. В целом в ельцинских посланиях пафос превосходства настоящего по отношению к прошлому выражен гораздо заметнее, нежели в обращениях его преемников¹³. Первый Президент РФ подчеркивал, что *«за всю тысячелетнюю историю России культура и ее деятели не имели столько свободы творчества и политической независимости, как теперь»* (1994 год), что сегодня, как никогда, у россиян *«расширились возможности приобщения к подлинным ценностям национальной и мировой культуры»* (1995 год), что *«время борьбы регионов с “центром” за свои права уходит в историю»* (1994 год), что проводимые реформы — *«первые в истории России преобразования такого масштаба, осуществляемые без подавления и уничтожения политических противников»* (1996 год) и т. п.

При этом критические оценки, разумеется, относились прежде всего к наследию советского прошлого, которому вменялись в вину «сверхжесткая мобилизационная модель развития, концентрировавшая все силы в руках государства», «косная экономическая система» и уничтожение «гражданского общества, зачатков демократии и частной собственности» (1996 год). С учетом этого, распад СССР представлялся как историческая закономерность:

«Советский Союз рухнул под тяжестью всеобъемлющего кризиса, раздробанный на куски экономическими, политическими и социальными противоречиями» (1996 год).

Проблемы советского общества представлялись Ельциным в качестве, с одной стороны, аргумента в пользу необходимости реформ, а с другой стороны — фактора, предопределившего их радикальный, болезненный характер. Настойчивое обращение первого Президента РФ к недавнему прошлому во многом было обусловлено стремлением оправдать собственную политику, списав часть ответственности на счет «проблем, доставшихся России по наследству» (1996 год). В частности, разделить ее с союзным руководством, «многолетняя нерешительность» которого привела его «к гибели, а государство — к распаду» (1996 год) (ср. там же: не столь радикальные реформы «надо было начинать намного раньше»). Отсюда — преобладание критики над позитивными оценками в репрезентации хрущёвских реформ и особенно перестройки.

Однако корни многих современных проблем усматривались и в досоветской истории. В 1996 году Ельцин констатировал, что «царская Россия, обремененная грузом собственных исторических проблем, не смогла выйти на дорогу демократии, что предопределило «радикализм российского революционного процесса, его стремительный срыв от Февраля к Октябрю» и в конечном счете обусловило разрыв исторической традиции:

«Этим разрушительным радикализмом — “до основания, а затем” — объясняется тот факт, что в ходе ломки прежних устоев оказалось утрачено многое из достижений дореволюционной России в сфере культуры, экономики, права, общественно-политического развития».

В 1995 году, в контексте чеченской войны, он ссылаясь на имперское наследие как причину региональных диспропорций, ставших «родимым пятном нашей истории и экономики»:

«Российская история распорядилась таким образом, что суверенитет государства простирается на огромную территорию и охватывает многочисленные народы».

Тогда же Ельцин сетовал на традицию правового нигилизма («Россия хорошо знает, что такое право силы. Осознать силу права только предстоит») и неуважения к правам личности, которые «никогда в отечественной истории не считались практическим государственным приоритетом». В 1999 году, критикуя практику формирования внебюджетных фондов, он вспоминал об «известной из российской истории “системе кормления”» и т. д. В 1998-м говорил о недостатках свойственного России «мобилизационного» типа развития:

«История доказала: рывки, организуемые “сверху”, но не поддержанные обществом, могут приносить успех, но не бывают долговременными, ведут к новому спаду и отставанию».

Иными словами, критические оценки распространялись не только на советское, но и на дореволюционное прошлое; вновь формулируемые политические задачи мыслились скорее как изменение традиции, нежели как ее продолжение. Россия конца XX века представляется в посланиях Ельцина не в качестве общего знаменателя «пяти разных Россией», выделенных когда-то Николаем Бердяевым¹⁴, но как шестая, новая Россия, отличающаяся от прежних. Правящая элита 1990-х вольно или невольно воспроизводила алгоритм прерывания традиции через отрицание целей и ценностей предыдущего исторического этапа.

Что выделялось в посланиях Ельцина в качестве позитивных моментов, способных служить залогом успеха провозглашаемого политического курса? Во-первых, много-

кратно доказанная способность России справляться с выпадающими на ее долю трудностями:

«Несмотря на тяжелые испытания, которые принес России XX век, наше Отечество выстояло. Россия была и остается великой страной» (1996 год).

«России удавалось справиться и в несравненно более трудные времена» (1998 год).

Во-вторых, констатация неисчерпаемого потенциала народа в логике «величие народа не умаляется выпавшими на его долю объективными трудностями и дурной политикой власти»: все достижения советского периода — это «заслуга народа, сумевшего сохранить, несмотря ни на что, свои лучшие национальные черты и качества, результат его труда и таланта» (1996 год); несмотря на семидесятилетнее засилье государственного атеизма, «вековые народные устои не были до конца разрушены» (1994 год); «пессимизм не в традициях нашего народа» (1999 год) и др. Помимо уже упоминавшейся ссылки на опыт земств (в 1994 году) лишь однажды, в послании 1996-го, в качестве потенциальной опоры реформ были упомянуты демократические начала, являющиеся частью нашего исторического наследия: «...традиции народоправства присущи российскому народу. Эти идеалы наши самые выдающиеся соотечественники отстаивали веками». Таким образом, хотя Ельцин апеллировал к дореволюционной русской истории заметно больше, чем Путин и Медведев, его призывы к восстановлению исторической и культурной преемственности не находили достаточного подкрепления в ссылках на конкретные элементы исторического наследия, на которые следовало бы опереться новой России. Установка на использование прошлого по контрасту с настоящим и буду-

щим явно превалировала над стремлением укоренить проводимую политику в наследии отечественной истории.

Послания Путина: новая точка отсчета

Тема преемственности и изменения традиции получила продолжение в посланиях Путина — хотя отсылки к истории в них существенно меньше (как отмечалось выше, в восьми его ежегодных обращениях нам удалось насчитать 22 упоминания о событиях, явлениях, процессах или действующих лицах отечественной истории; причем 6 из них — цитаты, 7 — относятся к прошлому вообще, вне связи с конкретными периодами). В послании 2000-го Путин даже особо отметил: *«Сегодня, когда мы идем вперед, важнее не вспоминать прошлое, а смотреть в будущее»* (и действительно, в четырех посланиях первого президентского срока нам удалось обнаружить всего лишь пять высказываний, адресующих к прошлому). Тем не менее уже в послании 2001 года Путин счел нужным вписать предлагаемый им принцип «стабильности» как основы для «назревших перемен» в исторический контекст, подчеркнув его нетипичность для российской политической практики:

«Конечно, общественные ожидания и опасения [по поводу перемен. — О.М.] появляются не на пустом месте. Они основаны на известной логике: за революцией обычно следует контрреволюция, за реформами — контрреформы, а потом и поиски виновных в революционных издержках и их наказание, тем более что собственный исторический опыт России богат такими примерами. Но пора твердо сказать: этот цикл закончен, не будет ни революций, ни контрреволюций».

Если для Ельцина основным пунктом соотнесения при обосновании политиче-

ского курса был советский период (с двумя смысловыми доминантами — «тоталитаризм» и «перестройка как неудачная попытка реформ»), то для Путина таковыми стали 1990-е годы (из девяти ссылок, имеющих отношение к конкретным периодам прошлого, 4 относятся именно к данному этапу). И это неудивительно: собственную политику «стабильности» Путин противопоставлял радикализму 1990-х; данное обстоятельство особенно заметно в посланиях второго срока пребывания в должности президента. В 2004 году Путин включил в ежегодное обращение целый пассаж, посвященный анализу постсоветской трансформации. Достаточно критически оценивая 1990-е, он тем не менее определял их как начальный этап долгого и трудного процесса — этап «демонтажа прежней экономической системы» и «расчистки завалов, образовавшихся от разрушения “старого здания”», — и подчеркивал, что только *«сейчас мы имеем и достаточный опыт, и необходимые инструменты, чтобы ставить перед собой действительно долгосрочные цели»* (2004 год). Таким образом, несмотря на критику («ломка привычного уклада жизни», «не все решения, которые принимались в те годы, имели долгосрочный характер»), в послании 2004-го преобладала установка на преемственность между 1990-ми и 2000-ми.

Однако уже в 2005 году критика предшествующего этапа стала более резкой, причем объектами оценки оказались не проблемы, с которыми столкнулось общество, а действия власти («накопления граждан были обесценены», «многие учреждения распущены или реформировались на скорую руку», «целостность страны оказалась нарушена террористической интервенцией и последовавшей хасавюртовской капитуляцией», «олигархические группировки... обслуживали исключительно собственные корпоративные интересы» и т. д.). Впрочем, завершая этот критический пассаж, Путин опровергал мнение тех,

кто считал 1990-е «окончательным крахом» российской государственности, и определял эти годы как время поисков «собственной дороги к строительству демократического, свободного и справедливого общества и государства» (2005 год). Представляя 2000-е как время, когда Россия твердо «встала на этот путь» и, как суверенная страна, «сама будет решать, каким образом — с учетом своей исторической, геополитической и иной специфики — можно обеспечить реализацию принципов свободы и демократии» (2005 год), второй Президент РФ подтверж-

ное заявление, назвав крушение Советского Союза «крупнейшей геополитической катастрофой века», что полностью противоречило оценкам, многократно озвученным Ельциным. По-видимому, это высказывание можно рассматривать в контексте переосмотра отношения к имперскому прошлому, наметившегося в середине 2000-х годов¹⁶.

В том же послании переопределялось значение победы в Великой Отечественной войне, 60-летие которой предстояло отметить две недели спустя: Путин придал этому событию особый гуманистический

“Если для Ельцина основным пунктом соотнесения при обосновании политического курса был советский период, то для **Путина** таковыми стали 1990-е годы”.

дал верность идеалам, выбранным в 1990-х. Однако он всячески подчеркивал различие в методах осуществления этих идеалов тогда и теперь. В выступлении 8 февраля 2008 года на расширенном заседании Государственного совета, которое можно рассматривать как подведение итогов второго срока, Путин особо отмечал, что, разрабатывая «план вывода России из системного кризиса», он руководствовался «главным принципом: восстановление России нельзя вести за счет людей, ценой дальнейшего ухудшения условий их жизни. В трудные 90-е годы на их долю выпало слишком много бед и испытаний»¹⁵.

Другое важное изменение, которое прослеживается в посланиях второго срока, связано с частичной переоценкой советского прошлого. В посланиях 2000–2004 годов нет прямых упоминаний событий и явлений этого периода (хотя уже в 2000-м был сделан жест, свидетельствующий о готовности нового президента брать на вооружение некоторые символы советской эпохи — приняты новые законы о государственной символике). В 2005 году Путин сделал сенсацион-

смысл, назвав его «днем торжества цивилизации над фашизмом», а солдат Великой Отечественной — «солдатами свободы». Данную интерпретацию можно рассматривать как развитие высказанного чуть ранее тезиса об исторической приверженности России европейским ценностям:

«Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром».

Но ее необходимо также связать и с проблемой отношений на постсоветском пространстве, в контексте которой и были озвучены приведенные выше слова (гуманистическое наследие победы Путин представлял как общее достояние «бывших республик СССР, а ныне независимых государств», которому нужно «вместе соответствовать»). Тема войны, значимая для конструирования национально-государственных идентич-

ностей большинства стран Западной и Восточной Европы, стала играть важную роль во «внешней» символической политике, превращаясь в объект соперничества интерпретаций.

Следует отметить, что Великая Отечественная война — историческое событие, наиболее часто упоминаемое в президентских посланиях: в 1995 и 1999 годах — у Ельцина, в 2005 и 2006 годах — у Путина, в 2009 и 2010 годах — у Медведева. Однако контекст этих упоминаний разный. В одних случаях тема войны вплетается в

*и отсталость»*¹⁷. Так или иначе, очевидно, что Великая Отечественная война — это единственное событие российской истории, которое активно используется в президентских посланиях в качестве позитивного символа, постоянно подвергаемого реинтерпретации. (Двойное упоминание о земствах в посланиях Ельцина и Путина — скорее случайность, чем следствие систематических усилий, направленных на конструирование самостоятельного символа.)

Возвращаясь к посланиям Путина, добавим, что в них можно обнаружить и кри-

“В своих выступлениях Медведев обращается к прошлому, чтобы подчеркнуть не только преемственность, но и необходимость пересмотра отдельных представлений”.

рассуждения о политических и социальных проблемах сегодняшнего дня, например, о борьбе с экстремизмом (1995 год), о качествах «поколения, мужавшего в годы войны» как основании веры в успех (1999 год), о поддержке боеспособности Вооруженных Сил (2006 год), о патриотическом воспитании молодежи (2010 год). В других ей придается некое символическое значение, как в процитированном выше послании Путина 2005 года. Символическое использование темы войны встречается также в послании Медведева 2009-го:

«Мы одной крови с теми, кто победил, стало быть, все мы — наследники победителей, и поэтому я верю в новую Россию».

Сравните в программной статье «Россия, вперед!» упоминание о предстоящем 65-летнем юбилее победы в контексте рассуждений о том, *«что народ, победивший жестокого и очень сильного врага в те далекие дни, должен, обязан сегодня победить коррупцию*

тическую оценку советского опыта: так, в 2006 году он предостерегал от повторения ошибок Советского Союза, решавшего «вопросы военного строительства в ущерб задачам развития экономики и социальной сферы». Однако количество упоминаний об этом периоде в путинских посланиях невелико (их всего 4; 3 остальных касаются войны).

В восьми посланиях второго Президента РФ нам удалось обнаружить еще 7 ссылок на прошлое, не имеющих привязки к определенному периоду и относящихся к истории как продолжающейся традиции. Какие аспекты этого наследия оказались значимыми для обоснования путинского политического курса? Во-первых, это идея «сильного государства» как основания величия России, наиболее ярко прозвучавшая в 2003 году, когда Путин, выступая с посланием Федеральному собранию, назвал «историческим подвигом» «удержание государства на обширном пространстве, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире». Как известно, огромная территория нередко рассмат-

ется не только как залог величия России, но и как проблема, в частности — как фактор, определяющий «мобилизационный» тип развития страны, сопряженный со многими издержками¹⁸. Высказывание Путина, идентифицирующее Россию с удерживаемым ею пространством («...таков тысячелетний исторический путь России. Таков способ воспроизводства ее как сильной страны») и призывающее ценить плод «огромного труда» многих поколений людей, — безусловно заявка на вполне определенную позицию в этом споре. Вместе с тем функция данного высказывания очевидна: оно призвано оправдать проводимый Путиным курс на «усиление государства», увязав его с «тысячелетней» традицией.

Во-вторых, ссылки на прошлое активно используются Путиным для подкрепления ключевой для него идеи единства, которая призвана определить рамки политической конкуренции. Как верно подметили Ирина и Святослав Каспэ, основным посылом путинской символической политики был «призыв к тотальной консолидации», сопровождавшийся «фобией любых разделений внутри пространства консенсуса»¹⁹. В этом отношении примечательно, что в первом же путинском послании подчеркивалось:

«Единство России скрепляют присущий нашему народу патриотизм, культурные традиции, общая историческая память».

А далее уточнялось:

«При всем обилии взглядов, мнений, разнообразии партийных платформ у нас были и есть общие ценности» (2000 год).

Завершая свою работу на посту президента, Путин повторял ту же мысль, проецируя ее в будущее:

«...политические партии обязаны сознавать огромную ответственность за будущее России, единство нации, за стабильность развития нашей страны. Какими бы острыми ни были политические баталии, какими бы неразрешимыми ни казались межпартийные противоречия, они никогда не стоят того, чтобы ставить страну на грань хаоса»²⁰.

В этих словах можно усмотреть намек на опыт 1990-х (хотя Путин никогда прямо не характеризовал политико-идеологические разногласия этого периода такими словами) и стремление оправдать собственную политику «стабилизации» политической системы. Подводя итоги анализа путинских посланий, отметим, что хотя количество упоминаний о прошлом в них невелико, многие из приведенных выше фрагментов обращали на себя внимание и вызывали общественный резонанс, поскольку отчетливо указывали на «пункты несогласия» второго Президента РФ с символической политикой его предшественника.

Третий президент: гетерогенность прошлого

Как было отмечено выше, в трех посланиях Медведева нам удалось обнаружить 15 упоминаний о событиях, явлениях, процессах и действующих лицах отечественной истории, 7 из которых — ссылки на персоналии. Хотя число упоминаний о прошлом сравнительно невелико, их риторический вес усиливается тем обстоятельством, что Медведев в своих посланиях реже, чем его предшественники, репрезентирует Нас через соотнесение с Другим, традиционно именуемым «Западом». В результате темпоральное измерение идентификации (сопоставление Нас сегодня/завтра и в прошлом) оказывается не менее значимым, чем пространственно-символическое²¹. Этот эффект достигается в том числе и тем, что третий Президент РФ во многих своих

выступлениях дает критическую оценку традиции и обращается к прошлому, чтобы подчеркнуть не только преемственность, но и необходимость пересмотра отдельных представлений и практик. Эта позиция открыто заявлена в программной статье «Россия, вперед!», где подчеркивалось, что традиции «не все полезны» и от некоторых «следует избавляться самым решительным образом», причем указывалось на прецеденты «преодоления» негативных явлений прошлого:

«...когда-то и крепостничество, и повальная неграмотность казались неодолимыми. Однако же были преодолены»²².

Критический и избирательный подход к традициям представлен и в президентских посланиях Медведева. Так, в 2008 году он сетовал, что

«В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем – как помеха для укрепления государственного могущества».

Примечательно, что этот пассаж он завершал цитатой Петра Столыпина, подкрепляющей высказанную мысль, — тем самым критика традиции «укоренялась» в самой традиции, признание гетерогенности прошлого давало возможность подчеркнуть преемственность по отношению к положительной части исторического наследия и одновременно — желание дистанцироваться от того, что представляется «недостатком» или «проблемой». Такой подход можно считать удачной находкой: он позволяет более гибко решать проблему преемственности/прерывности по отношению к прошлому.

К сожалению, успешно апробированный в послании 2009 года и предварявшей его статье «Россия, вперед!» прием критики прошлого с опорой на позитивные моменты в самом прошлом не получил развития в обращении к Федеральному собранию 2010-го²³.

Подобно своим предшественникам, Медведев апеллировал к «тысячелетней истории» с целью легитимации наиболее трудных и принципиальных своих решений. Так, в послании 2008 года, говоря о «понимании», с которым были встречены действия власти во время войны с Грузией и первые антикризисные меры, он отмечал: *«По-другому и не должно быть, когда речь идет о народе с тысячелетней историей, освоившем и цивилизовавшем огромную территорию», «создавшем неповторимую культуру»* и *«мощный экономический и военный потенциал»* (2008 год).

Примечательно, что в качестве положительно оцениваемых достижений русского народа указываются не только общепризнанная «неповторимая культура», но и «территория» и «военный потенциал», которые в современном публичном дискурсе ассоциируются с «имперским наследием». Здесь очевидна переключка с путинским посланием 2003 года. Вместе с тем любопытно сравнить этот список с близким по смыслу пассажем из статьи «Россия, вперед!», где перечисляются составляющие «большого наследия», на которое мы можем опереться:

«Мы располагаем гигантской территорией, колоссальными природными богатствами, солидным промышленным потенциалом, впечатляющим списком ярких достижений в области науки, техники, образования, искусства, славной историей армии и флота, ядерным оружием. Авторитетом державы, игравшей значительную, а в некоторые периоды и определяющую роль в событиях исторического масштаба»²⁴.

Отметим, что список позитивно маркированных элементов прошлого, на которые можно опереться, заметно расширился по сравнению с тем, что нам удалось выделить в ельцинских посланиях, преимущественно — за счет осуществленной еще Путиным переоценки наследия «великой державы».

Медведеву также не чуждо стремление обосновать собственный политический курс по контрасту с прошлым (преимущественно, хотя и не исключительно, недавним). Наиболее ярко оно проявилось в послании 2009-го, в котором вновь заявленный политический курс представлялся как «первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии» (2009 год). В этом контексте главным пунктом соотнесения оказывался советский опыт модернизации, который оценивался, с одной стороны, положительно («ценной невероятных усилий аграрная, фактически неграмотная страна была превращена в одну из самых влиятельных по тем временам индустриальных держав»), а с другой — критически («в условиях закрытого общества, тоталитарного политического режима эти позиции невозможно было сохранить»). Та же мысль ранее была высказана в статье «Россия, вперед!», причем сравнение проводилось не только с советской, но и с петровской (имперской) модернизацией, и подчеркивалось, что обе они были «оплачены разорением, унижением и уничтожением миллионов наших соотечественников»²⁵. Таким образом, подобно Ельцину и Путину, Медведев, обосновывая собственный курс, стремился подчеркнуть не только преемственность, но и «точки разрыва» с прошлым, при этом предметом мягкого отрицания стал опыт не только 1990-х, но и 2000-х годов: в сентябре 2009-го третий Президент РФ утверждал, что сделанного его предшественниками недостаточно, ибо прежние решения «лишь воспроизводят текущую модель, но не развивают ее. Не изменя-

ют сложившийся уклад жизни. Сохраняют пагубные привычки»²⁶. Таким образом, обоснование текущего курса путем более или менее резкого противопоставления настоящего прошлому можно считать устойчивым элементом программных выступлений всех президентов РФ.

Выводы

Завершая анализ президентских посланий 1994—2010 годов, отметим некоторые особенности использования прошлого для оправдания осуществляемого политического курса. Как было показано выше, все три Президента РФ апеллировали к давней и недавней истории как с целью «укоренить» свои действия в национальной традиции, так и для того, чтобы оправдать их за счет критической оценки прежнего опыта. Причем если объектами критики оказываются конкретные события, действия или явления преимущественно недавнего прошлого, то позитивно окрашенные ссылки на историю чаще всего имеют обобщенный характер и относятся к «вековым народным устоям», «тысячелетней истории России», «нашей великой культуре» и т. п. В силу этого «проблемные» черты образа прошлого оказались представлены в президентских посланиях более выпукло и детально, нежели «то, чем мы вправе гордиться». Как уже было сказано, единственным устойчиво упоминаемым положительным символом стала Великая Отечественная война.

Очевидная скудость символического репертуара президентских посланий в какой-то мере связана с тем, что представления о прошлом, доминирующие в сознании элиты и масс, не соответствуют современным политическим задачам. Вячеслав Морозов отмечает, что большой проблемой для символической политики нового Российского государства стало отсутствие в начале 1990-х годов «альтернативного имперскому историческому нарратива, который мог бы послужить

основой для самоидентификации России как нового национального государства»²⁷. С тех пор мало что изменилось — не случайно та же ограниченность репертуара исторических событий, значимых для коллективного самоопределения, выявляется и на уровне массового сознания. Так, опрос, проведенный в сентябре 2007 года, Институтом социологии РАН, показал, что набор событий и героев прошлого, которыми гордится большинство опрошенных в рамках общероссийской выборки, достаточно узок. Лишь четыре позиции получили поддержку более чем у половины респондентов (в том числе у 67 проц. респондентов чувство гордости вызывает победа в Великой Отечественной войне, у 61 проц. — послевоенное восстановление страны, у 56 проц. — великие российские поэты, писатели и композиторы, у 54 проц. — успехи советской космонавтики)²⁸. По оценке Леонтия Бызова, «к авангарду “славного наследия прошлого” наши сограждане относят, прежде всего, те достижения государства (в разные периоды его истории), которые... в некотором смысле имеют общемировую значимость. Те же достижения прошлого, значимость которых может быть расценена как скорее внутривосточная, у респондентов вызывают сомнения»²⁹. В какой-то степени этот результат можно считать следствием отмеченных нами тенденций официальной символической политики, которая скорее следовала массовым оценкам значимого прошлого, нежели стремилась их трансформировать, создавая новые проекции прошлого на настоящее и будущее.

Конечно, разработка нарратива(ов) национального прошлого — это прежде всего задача профессиональных историков, однако и политическая элита должна выполнять свою часть работы, включая в публичный оборот символы, связанные с событиями прошлого, и участвуя в их реинтерпретации. Распространенным поводом для актов такого

рода служат круглые даты. Если взглянуть на календарь исторических событий, нетрудно убедиться, что за последние восемнадцать лет, когда готовились рассмотренные нами послания, не было недостатка в поводах для расширения «исторической» части символического репертуара. В 2005—2006 годы праздновалось столетие первой русской революции и парламентаризма в России; в 1997 и 2007 годах была возможность отметить юбилей не только Октябрьской, но и Февральской революции³⁰; в 1990-х можно было последовательно вспоминать о 125-летию «великих реформ» конца 1860-х — начала 1870-х годов; в 2007-м исполнялось 150 лет с начала издания «Колокола»; в том же году можно было отметить 100 лет оформления Антанты; в 2005 году праздновалось 250-летие Московского университета; в 2009-м было 300 лет победы в Полтавской битве; в 2006-м истекло 50 лет после XX съезда КПСС, а в 2008 году — 40 лет с момента ввода советских войск в Чехословакию. Список может быть продолжен. Очевидно, что символический потенциал перечисленных событий весьма разнороден и не все они «ложатся» в контекст политических задач, которые требовалось обосновывать в президентских посланиях, однако многие из них вполне могли бы быть переосмыслены.

Однако такая цель не ставилась при подготовке президентских посланий. Возможно, оттого, что она просто не значилась в ряду приоритетов, ведь апелляция к истории — лишь один из возможных инструментов для легитимации политического курса. Правда, без него нельзя обойтись, если принимать во внимание долгосрочные цели — такие как формирование национальной идентичности, мобилизация солидарности в рамках большого сообщества, повышение коллективной самооценки и т. п. Однако для решения краткосрочных задач, связанных с оправданием действий власти, не обязательно углубляться

в переоценку коллективного прошлого. Очевидно, что разработчики текстов посланий сознавали важность символического ресурса коллективного прошлого — можно проследить, как год за годом оттачивались приемы его риторического использования. Но столь же очевидно их стремление ограничиться теми событиями и явлениями отечественной истории, оценка которых не вызывает разногласий — а таких в стране «с непредсказуемым прошлым», переживающей очередную масштабную социальную трансформацию, оказалось немного. Думается, что отмеченная нами узость «исторической» составляющей символического репертуара президентских посланий имеет две причины. С одной стороны, она является следствием мировоззренческих и исторических представлений властвующей элиты, а с другой — в силу политических соображений, руководство страны предпочло не работать с «трудным» прошлым³¹ и уклониться от

формулирования официальной позиции в спорных вопросах, разделяющих российское общество³².

Результатом такого подхода — скорее всего, непреднамеренным — стало то, что критика прошлого (преимущественно недавнего), его репрезентация по контрасту с настоящим и будущим оказалась отражена в президентских посланиях существенно более ярко и конкретно, нежели образ «нашего славного прошлого», который должен служить источником оптимизма и опорой для решения текущих задач. Получается, что, педалируя критику прошлого и отказываясь расширять «оперативный» репертуар за счет переоценки проблемных страниц истории, властвующая элита на практике воспроизводит старый культурный алгоритм «разрыва с традицией» — хотя, казалось бы, в отличие от петровского и советского переворотов, когда происходила ломка мировоззренческих принципов, сейчас для этого нет оснований. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Политическое использование прошлого служит инструментом для конструирования всех типов коллективной идентичности (классовой, гендерной, религиозной и др.), однако особое значение оно имеет для воображения наций. Не случайно в рамках сложившейся (и пока трудно поддающейся изменению) традиции именно нации/государства стали главными объектами историографического описания.

² Согласно этой концепции, «работа по производству и внушению смыслов» и «борьба за навязывание легитимного видения социального мира» являются неотъемлемыми составляющими политического субполя. См.: Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 66–67, 71.

³ Иногда данное понятие используется в смысле противопоставления политических действий, влекущих за собой «материальные» (*material, substantive*) результаты, действиям сугубо «символическим». В частности, именно в такой интерпретации оно было введено в российский научный

оборот Сергеем Поцелуевым (см.: Поцелуев С.П. Символическая политика как инсценирование и эстетизация // Полис. 1999. № 5. С. 62–76).

⁴ Согласно концепции Юрия Левады, советские идеологические практики, навязывавшие индивидам универсальную нормативно-ценностную систему, формировали «человека лукавого», соглашавшегося с предписываемыми установками — и одновременно искавшего способы их обойти. См.: Левада Ю.А. Человек лукавый: двоемыслие по-русски // Левада Ю.А. От мнений к пониманию: Социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 508–529.

⁵ См.: Малинова О.Ю. Политические элиты как «производители смыслов» российской политики: к постановке проблемы // Элиты и общество в сравнительном измерении / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2011. С. 280–293.

⁶ Исследование посланий дополнено анализом выступлений Ельцина и Путина, в которых подво-

дились итоги их деятельности на посту президента и формулировались принципы будущей политики, призванные обеспечить преемственность курса (новогоднее обращение Ельцина 31 декабря 1999 года и выступление Путина на расширенном заседании Государственного совета 8 февраля 2008 года), а также программной статьи Медведева «Россия, вперед!», опубликованной в качестве приглашения к предварительному обсуждению задач, которые затем предполагалось озвучить в послании.

⁷ За истекшие семнадцать лет жанр президентского послания заметно эволюционировал, причем изменения были связаны как с развитием практики подготовки данного документа, так и с личностными особенностями Ельцина, Путина и Медведева. В зависимости от контекста и стоящих на повестке дня задач менялась стилистика послания, его главный адресат (законодательная власть, государственный аппарат в целом, общество), водоразделы между «мы» и «они» (см.: *Попова О.В.* Модель символической идентификации в Посланиях Президента РФ 2008 и 2009 гг. // Политические институты в современном мире. СПб.: Аллегро, 2010. С. 288–289). Тем не менее содержание посланий отражает примерно одинаковый круг вопросов внутренней и внешней политики.

⁸ Вот лишь некоторые из работ, посвященных изучению текстов этого жанра: *Гаврилова М.В.* Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004; *Она же.* Контент-анализ послания президента Федеральному собранию // Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 4. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 64–82; *Она же.* Композиция программной политической речи (на примере послания президента Федеральному собранию России) // Политический анализ. Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 40–54; *Мартыанов В.С.* Идеология В.В. Путина: концептуализация посланий президента РФ // ПОЛИТЭКС. 2007. № 1 (Доступ: <http://www.politex.info/content/view/322/30/>); *Старцев Я. Ю.* Политическая система в зеркале дискурса: опыт реконструкции логики президентских посланий // ПОЛИТЭКС. 2007. № 1 (Доступ: <http://www.politex.info/content/view/321/30/>); *Панов П.В.* Конструирование образа России в официальном

политическом дискурсе 1990–2000-х гг. (по материалам ежегодных Посланий Президента РФ) // Образ России в мире: Становление, восприятие, трансформация / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 107–117; *Малинова О.Ю.* Образы России и «Запада» в дискурсе власти (2000–2007 гг.): попытки переопределения коллективной идентичности // Образ России в мире: Становление, восприятие, трансформация. С. 86–106 и др.

⁹ Тексты посланий цитируются по следующим источникам: Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Об укреплении Российского Государства». 1994 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/04/poslanija_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_1994_god.html); Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «О действительности государственной власти в России». 1995 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_o_dejstvennosti_gosudarstvennoj_vlasti_v_rossii_1995_god.html); Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия, за которую мы в ответе». 1996 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_zakotoruju_my_v_otvete_1996_god.html); Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Порядок во власти — порядок в стране». 1997 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_porjadok_vo_vlasti_porjadok_v_strane_1997_god.html); Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Общими силами — к подъему России». 1998 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_obshhimi_silami_k_podemu_rossii_1998_god.html); Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия на рубеже эпох». 1999 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_na_rubezhe_epokh_1999_god.html); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2000/07/08/0000_

type63372type63374_28782.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 3 апреля 2001 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2001/04/03/0000_type63372type63374_28514.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 18 апреля 2002 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2002/04/18/0000_type63372type63374_28876.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 16 мая 2003 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2003/05/16/1259_type63372type63374_44623.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 26 мая 2004 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2004/05/26/2003_type63372type63374_71501.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 10 мая 2006 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372type63374type82634_105546.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 26 апреля 2007 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.shtml); *Медведев Д.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 5 ноября 2008 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml); *Медведев Д.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 г. (Доступ: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>); *Медведев Д.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 30 ноября 2010 г. (Доступ: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9637/work>). Далее ссылка дается в тексте указанием на год обнародования послания.

¹⁰ См., напр.: *Согрин В.* Российская политическая элита и американский опыт // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 81–91.

¹¹ Объем текстов президентских посланий существенно варьировался. Наиболее пространными были послания Ельцина: от примерно 12,6 тыс. слов (в 1996 году) до почти 21 тыс. (в 1999 году); наиболее сжатыми – послания Путина: в среднем около 5 тыс. слов, за исключением более разверну-

того итогового послания 2007 года (около 8 тыс. слов). Объем трех посланий Медведева колеблется между 7 и 9,8 тыс. слов. Соответственно, «вес» того, чему нашлось место в выступлении, длившемся один час или три часа, различен.

¹² Заявление Бориса Ельцина. 31 декабря 1999 г. (Доступ: http://archive.kremlin.ru/appears/1999/12/31/0003_type82634_119554.shtml). Кстати, наиболее развернутый анализ настоящего на фоне прошлого дан в самом коротком из ельцинских посланий, зачитанном накануне выборов в 1996 году.

¹³ Для сравнения, в посланиях Путина высказываний, оценивающих прошлое критически – 4, отмечающих одновременно его плюсы и минусы – 3 (из 22); соответственно, в посланиях Медведева – 1 и 1 (из 15).

¹⁴ Бердяев, как известно, утверждал, что русский народ развивается «катастрофическим темпом, через прерывность и изменение типа цивилизации»; он насчитал «пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию». См.: *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 7.

¹⁵ *Путин В.* Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 8 февраля 2008 г. (Доступ: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>).

¹⁶ См.: *Малынова О.Ю.* Тема империи в современных российских политических дискурсах // *Наследие империй и будущее России* / Под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008. С. 59–102.

¹⁷ *Медведев Д.А.* Россия, вперед! (Доступ: http://gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml).

¹⁸ Например, о проблемах, обусловленных обширной территорией, в контексте первой чеченской войны говорил Ельцин: «Российская история распорядилась таким образом, что суверенитет государства простирается на огромную территорию и охватывает многочисленные народы». И далее: «Таким крупным странам, как Россия, естественным образом присущи большие внутренние различия между регионами». Их следствие – «диспропорции регионального развития», ставшие «родимым пятном нашей истории и экономики» (1995 г.).

¹⁹ *Каснэ И., Каснэ С.* Поле битвы – страна. *Nation-building* и наши нэйшнбилдеры // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). С. 20.

²⁰ *Путин В.* Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года».

²¹ См.: *Malinova O.* Russia and “the West” in 2000s: Redefinition of Russian Identity in the Official Political Discourse // *Russian Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions* / R. Taras (ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010 (in print).

²² *Медведев Д.* Россия, вперед!

²³ Ссылки на события и действующих лиц отечественной истории в послании 2010 года достаточно формальны. Из четырех фрагментов, которые нам удалось выделить, 2 относятся к юбилею Великой Отечественной войны (в связи с патриотическим воспитанием молодежи и заботой власти о состоянии воинских памятников и мемориалов), 1 – упоминание имен великих людей, которые были третьими детьми в своих семьях (в контексте демографической проблемы), еще 1 – в рамках обсуждения программы модернизации (идея связи поколений).

²⁴ *Медведев Д.* Россия, вперед!

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ *Морозов В.Е.* Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 580.

²⁸ Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук. 2008. Вып. 3: Российская идентичность в социологическом измерении. М.: Институт социологии РАН, 2008 (Доступ: http://www.isras.ru/INAB_2008_3_6.html). Почти такой же список наиболее значимых исторических событий получился в 1998 году, когда было начато исследование, развед что на пятое место с рейтингом 52 проц. вышел полет в космос Юрия Гагарина (см. там же).

²⁹ Там же. В частности, «такое значимое событие, как освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 году, вызывает гордость лишь у 6 проц. россиян, Октябрьская революция и установление советской власти – у 7 процентов. Выдающиеся российские цари и императрицы, а

также мощь и богатство страны в период правления династии Романовых вызывают гордость у 10 и 11 проц. россиян соответственно» (см. там же).

³⁰ Правда, исследования Фонда «Общественное мнение» показывают, что оценка обоих событий населением крайне неоднозначна. См.: *Бавин П.* Февральская революция и свержение монархии: взгляд из России XXI века // Социальная реальность. 2007. № 4. С. 24–30; *Васильева Е.* Октябрьская революция: актуальный образ исторического события // Социальная реальность. 2008. № 3. С. 24–32.

³¹ Проблема «неудобного прошлого», с которой так или иначе сталкиваются многие страны, может решаться по-разному, в том числе и по «формуле умолчания» – в течение какого-то времени. См.: *Малинова О.Ю.* Консолидация политических сообществ и проблема «неудобного прошлого»: опыт стран Европы и Азии // МЕТОД: Московский ежегодник трудов обществоведческих дисциплин. Сб. науч. тр. / Ред. и сост. вып. М.В. Ильин. М.: Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований ИНИОН РАН, 2010. Альтернативные модели формирования наций (в печати).

³² Впрочем, в последние месяцы стали наблюдаться попытки выйти за рамки узкого репертуара и примериться к символическому потенциалу исторических событий и явлений, до сих пор обделенных вниманием российских политиков. В качестве примеров можно привести выступление Медведева по случаю 150-летия отмены крепостного права на конференции в Санкт-Петербурге, проводившее параллели между Великими реформами XIX века и современной модернизацией (см.: *Медведев Д.А.* Выступление на конференции «Великие реформы и модернизация России» 3 марта 2011 года. Санкт-Петербург. Доступ: <http://news.kremlin.ru/transcripts/10506>; дата обращения 4 марта 2011 года), и выступление Бориса Грызлова в том же городе и тоже на конференции, посвященной 105-летию со дня начала работы первой в России Государственной думы, в котором Земские Соборы XVI–XVII веков провозглашались истоком исторически свойственной России суверенной демократии (см.: *Родин И.* Суверенную демократию придумал Иван Грозный // Независимая газета. 2011. 28 апр. С. 3).